

Концепции архаизации общества в отечественном обществознании*

Ч. К. ЛАМАЖАА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье представлен обзор концепций архаизации общества в отечественной науке, в том числе А. С. Ахиезера, В. Г. Федотовой, И. Г. Яковенко, которые легли в основу формирующейся научно-исследовательской базы данных Российские модели архаизации и неотрадиционализма.

Ключевые слова: архаизация общества, архаизация, архаика, концепция, база данных.

В рамках работы над нашим проектом по созданию электронной базы данных «Российские модели архаизации и неотрадиционализма» (www.neoregion.ru) мы попытались собрать сведения о наиболее значительных концепциях архаизации в отечественном обществознании на сегодня. Сам проект представляет собой часть комплексного изучения проблем архаизации и неотрадиционализма в России, российских регионах и направлен на развитие социально-гуманитарного знания о социальных проблемах трансформирующихся, модернизирующихся обществ, а также об особенностях социокультурных процессов в регионах России, формах архаизации и неотрадиционализма. Главное внимание в нем уделяется тематике социальных механизмов, обращающих общество к его прошлому в условиях трудностей модернизационного реформирования: процессу архаизации (стихийного, неосознанного массового обращения

к архаическим культурным смыслам и социальным практикам) и процессу неотрадиционализма (осознанному процессу возрождения традиций этнической культуры, в том числе архаических, для решения проблем социокультурного развития общества). Тем самым проект направлен на решение фундаментальных научных проблем (прежде всего — противоречивости социальных трансформаций и возвратно-поступательных механизмов исторического процесса) (см.: Ламажаа, Намлинская, 2013).

Тема архаизации общества в российской социальной мысли приобрела особое значение в конце XX в. Но в целом возвраты к древней традиционности в обществе — не новая тема. Российская история анализировалась с этой точки зрения начиная с полемики «почвенников» и «западников»; о «новом средневековье» в России времен революционных преобразований писал Н. А. Бердяев и др. Со-

* Подготовлено при поддержке РГНФ (проект «Научно-исследовательская база данных «Российские модели архаизации и неотрадиционализма в условиях модернизации»», грант № 13-03-12005в).

ветский период внес коррективы в развитие представлений об архаике и архаизации. Прогрессистская идеологическая парадигма не признавала в принципе реальность процессов архаизации, ведь социализм официально рассматривался как проявление исторической необходимости революционного перехода общества к следующей социально-экономической формации, однозначности вектора исторической необходимости. Понимание же значимости архаизации требовало как иного представления об истории вообще, так и иной концепции российской истории, иного отношения к исторической необходимости, к якобы однозначному вектору исторической динамики (Ахиезер, 2001: 90). Несмотря на это, в 1950–1970-х годах в период хрущевской оттепели в отечественной истории работало так называемое новое направление в исторической науке, которое стало исследовать проблему сращивания «передового» капитализма с его примитивными формами и докапиталистическими укладами России.

В основном же термин «архаизация» бытовал в филологии и искусствоведении, в которых он трактовался как заимствования из древних пластов (в речи) или преднамеренное подражание древним формам (в искусстве). В социальных науках, таких как этнография, социология, психология, обсуждались частные вопросы существования и изменения архаических культур, наличия архаических компонентов в человеческой жизни, в современных обществах.

Новое развитие исследования архаизации, роли архаики уже в современном социальном процессе получили в 1990-е годы, когда общество стало стремительно трансформироваться и над наукой перестал довлеть идеологический диктат. Основной массив работ постсоветского времени, посвященных теме архаизации, можно в первую очередь классифицировать по научным дисциплинам: исторические, экономические, культурологические, социально-политические — так, как это сделал А. С. Ахиезер (Ахиезер, 2001). Можно усмотреть в подобном делении и определенный отзвук логики его масштабной социокультурной концепции истории России, в отдельных сфе-

рах общественной жизни которой философ анализирует волны архаизации, о чем будет сказано ниже. Однако, очевидно, данное обстоятельство также объясняется тем фактом, что исследователи, признавая наличие самого процесса архаизации, в основном концентрируют усилия на анализе его проявлений в определенных сферах. Поэтому упомянем о наиболее известных из работ, а затем остановимся на концепциях в общественности.

В экономике страны архаизация стала разрабатываться в трудах экономистов: А. Г. Вишневого — о консервативной модернизации в СССР; А. Н. Вольского, О. В. Нечипоренко — о натурализации хозяйств как эффекте рыночных реформ; У. Г. Николаевой — о новой жизни архаических экономических отношений российской неформальной экономики и др. Традиционные установки политических элит России и ее регионов побудили политологов говорить о «взрывающейся архаичности» (как, например В. А. Ачкасов). Основа российской государственности стала усматриваться в архаичной клановости. В политологии темы клановости политических элит затрагивают, так или иначе, практически все политологи. Исследования этому посвятили О. В. Крыштановская, О. Гаман-Голутвина, а также социолог Ж. Т. Тощенко, номадовед, антрополог Н. Н. Крадин и др. «Феодалную модель» для изучения постсоветской России в сравнительно-политическом плане предлагает В. Шляпентох. Об актуализации культурных программ прошлого России пишут культурологи, например А. Л. Янов. В. П. Булдаков в историческом исследовании причин революций и бунтов в России ставит знак равенства между социалистической революцией и социальной архаикой (революция — это бунт архаики), называет движущей силой истории конкретно-историческое содержание ментальности, культуры.

Исследователь теоретических вопросов развития культуры А. Я. Флиер признает тот факт, что древние традиции продолжают жить даже в самом современном постиндустриальном обществе (Флиер, 2011). А. В. Костина, анализируя особенности проявления массовой культуры в современном обществе, от-

мечает в числе ее особенностей реализацию в виде базовых архетипических структур сознания (Костина, 2011).

Процесс обратный архаизации — деархаизация рассматривает А. В. Поляков. Она, по его мнению, происходила в ходе модернизации России в коллективном сознании, «снимающем» (освобождающемся) базовые параметры архаического общества: тотальность коллективного сознания, «деспотизм» (совмещенность властно-собственнических функций в одном лице), «коммунизм» (коллективную собственность), «экстенсивность» (самовоспроизводство в форме пространственного переноса своих структур) (Поляков, 1998). Правда, понятие «архаическое» в его представлении синонимично «традиционному», и автор определяет как архаический российский социум, сложившийся к XVII в.

Несколько концепций рассмотрим подробнее, поскольку в них проблема архаизации общества представлена в наиболее целостном виде.

Концепция А. С. Ахиезера. Напомним, что проблема архаики, архаизации социальных отношений была в числе главных в исследованиях А. С. Ахиезера еще с 1970-х годов, которые в итоге оформились в масштабную социокультурную теорию истории России (Ахиезер, 1991; 1997). Основное внимание философ уделяет анализу истории России и ее движущих факторов, тенденциям социокультурного развития. Главной проблемой российского общества, которое на протяжении многих веков и до сих пор функционирует как противоречивое и расколотое, по мнению Ахиезера, являются регулярные ответы на усложнение, на рост угроз выживаемости экстенсивными методами, сложившимися в древних, относительно простых условиях. Например, отмена крепостничества в 1861 г. представляла собой, по сути, поверхностную реформу, которая лишь отменяла собственность административных институтов государства и помещиков над крестьянами, но не могла отменить зависимость крестьянина от сельской общины, от патриархальной семьи, от традиционализма. Это был слишком простой ответ на вызов истории. Другой пример: советское государство фор-

мировалось на базе экстраполяции архаичной модели локального мира (возникло «братство народов» во главе с батушкой-тотемом). Россия, как пишет философ, всегда лишь стремилась «выжать» больше ресурсов, не меняя сложившихся порядков. На административный вызов глубоко традиционное общество отвечало откатом к архаике.

Собственно *архаизация* понимается автором как результат «следования субъекта культурным программам, исторически сложившимся в тех пластах культуры, которые сформировались в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, уже не отвечающих возросшей сложности мира, характеру и масштабам проблем». Архаизацию автор рассматривает как форму регресса, где программы деятельности связаны с доосевой культурой, с господством ценностей чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения был весьма ограничен (Ахиезер, 2001: 90).

Важными для понимания концепции А. С. Ахиезера являются также два понятия — «инверсия» и «медиация». Они выступают как скрытые логические формы в сознании и деятельности человека. Инверсия как форма социального действия нацеливает личность, конкретно-исторические сообщества на воспроизводство ранее сформировавшихся идеалов, устремляет их к идеалам прошлого, в которых было важно присутствие полюса дуальной оппозиции, заданных вариантов, минимума рефлексии. Для медиации характерно возрастающее стремление к получению нового результата, к отказу от идеала неизменности, господству идеала будущего. Отсюда стремление к развитию, к прогрессу. Итак, для инверсии идеалом является «старое», для медиации — «новое» (Ахиезер, 1997: 69–70).

Рассмотрение социальных процессов, в том числе архаизации, сквозь призму данных категорий позволяет нам увидеть их сложность и неоднозначность. В частности, согласно концепции А. С. Ахиезера неудачное реформирование российского общества в разные периоды его истории (когда замыслы реформаторов не соответствовали личностной культуре людей, которые должны были ее осуще-

ствлять) приводило к тому, что социальный мир, в котором преобладала инверсия, становился для людей дискомфортным. В этих условиях логика инверсии побуждала людей, массы на дезорганизацию, на нравственную деградацию: оценка реальности переходила от добра сразу к злу; начинался поиск виновников дискомфортных инноваций, который принимал агрессивные формы (бунт, погромы, массовые беспорядки). Подобный поиск выхода из дискомфортного состояния Ахиезер называет также антимидацией (там же: 76). В крайних формах начинается массовое уничтожение людей, культуры, государственности («коса инверсии»). Реакция общества может не просто разрушать новые формы развития, но и затрагивать традиционные формы деятельности. Происходит взаиморазрушение двух систем ценностей.

Философ отмечает огромный энергетический потенциал архаизации, заключенный в массе ее носителей. Реформаторы не могли ничего противопоставить архаизации, даже мощь государства была бессильна. Более того, попытка превратить государство в оплот против архаизации может привести к постепенному проникновению архаизации в само государство вплоть до его превращения в орудие архаизации (Ахиезер, 2006: 98).

Ахиезер также пишет об уровнях архаизации (антимидации). По его мнению, ее можно наблюдать, во-первых, в индивидуальном поведении, когда личность в стрессовой ситуации забывает о наработанных в культуре правилах поведения, переходит к насилию, к хулиганским действиям. Во-вторых, в поведении социального слоя, например в ответе крестьянства на наступление товарно-денежных отношений, в его стремлении вернуться к общине, к уравнительности, натурализации отношений, локализму, к власти, которая должна «всех равнять». В-третьих, на уровне всего общества, в его попытках в определенной ситуации растоптать опыт собственного прогресса, опыт критики истории, вернуться к господству инерции истории, циклов истории (Ахиезер, 1997: 76).

Архаизация (антимидация) может выступать в разных идеологических формах: в фор-

ме пугачевщины, попыток вернуться к господству племенных ценностей, в форме этницизма, возврата к древним утраченным ценностям, под маской либерализма, в различных гибридных идеалах и т. д. (там же).

Сила архаизации, констатирует автор, заключается в том, что в российском обществе на протяжении почти всей истории преобладал традиционный тип нравственности, в той или иной степени разьедаемый умеренным утилитаризмом. Ученого прежде всего интересовали общеисторические исследования традиционного типа нравственности, архаических идей, мифов российского общества. Волны архаизации провоцировались, по мнению А. С. Ахиезера, экономическими реформами. В этом плане важны исследования хозяйственной деятельности российского крестьянства, отношение его к собственности, справедливости.

Ахиезер видит важнейшее, если не главное, проявление архаизации в том, что культура, культурные программы архаичного типа, имманентные догосударственным локальным мирам, оказываются значимыми и даже господствующими в культуре большого общества. Этот процесс раскрывается через анализ мифологических идей. Архаизация из формы культуры переходит в форму массового социального поведения, массовой деятельности, поэтому столь важен анализ социально-политической сферы, однако не отдельно взятого периода истории, а всей истории и опять-таки сквозь призму конкретно-исторического содержания культуры, ментальности.

Важнейшим вкладом философа в исследование проблемы архаизации следует считать его предложение по методологии подхода к данному явлению. Вся социокультурная теория истории России А. Ахиезера отличается цельностью и строгостью методологического подхода, однако собственно проблема архаизации может и должна быть отдельным предметом исследований, для которого необходимо выработать свой теоретический подход. Призывая исследователей к этому, ученый предлагает рассматривать архаизацию в контексте всей социальной жизни, как один из двух важнейших, противоположно направленных процессов.

Исходным положением в подобном исследовании, по мнению Ахиезера, следует считать столкновение архаизации и прогресса, которое происходит прежде всего между культурными ценностями, формами образа жизни, отличающимися друг от друга ориентацией на статику и динамику. Философ считает, что в этих условиях единственным кардинальным средством против социальной дезорганизации является развитие диалогизации как системы определенных отношений и (суб)культуры. Достичь этого, полагает Ахиезер, можно путем формирования соответствующих институтов, а также развивая в расколотых элементах общества способность к принятию общих решений (см. также: Ламажаа, 2010).

Теоретические положения работ А. С. Ахиезера оказали большое влияние на развитие постсоветской российской социальной мысли, на исследования социокультурного развития России, и современные философы, обществоведы так или иначе учитывают мнение Ахиезера, продолжают, развивают его мысли или вступают с ним полемику.

Концепция В. Г. Федотовой. Известный отечественный исследователь проблем модернизации России, методологии социальных наук, глобализации и мировых социальных тенденций, возникших в связи с глобализацией, В. Г. Федотова одна из первых в отечественном обществознании стала писать в 1990-е годы о возрождении архаики в общественном поведении, об архаизации России. Путь ее исследований проходил, если можно так сказать, через три «А»: anomia, anarchia, apatia. Каждое из этих явлений автор последовательно анализировала в сравнении с западными проявлениями, чтобы подчеркнуть российские особенности.

Аномия, или разрушение ценностей, к которым привыкли люди как к чему-то само собой разумеющемуся, разрушения воспроизводимого порядка вещей, по мысли В. Г. Федотовой, возникла по причине радикального отказа от прежде коллективно санкционированных ценностей и норм и полного разрушения механизма социального конструирования реальности (Федотова, 2005). В результате мы

утратили, писала философ, коллективные представления о различии добра и зла, о том, что такое сострадание, справедливость, жалость, милость, доброта, хороший тон и пр. (там же: 12).

Аномия и произвела анархический порядок 1990-х (Федотова, 2000). Собственно анархия трактуется В. Г. Федотовой как самопомощь населения за пределами социальных связей в условиях разрушения социальной связи и безопасности, уклонения государства от помощи. При этом, подчеркивает автор, анархический порядок не являлся результатом злого умысла или социальной инженерии, а выступал как следствие тождества сознания верхов и низов, их архетипических начал, к которому обратились и те и другие. Анархия отличается отсутствием центральной власти, действенных институтов, коллективных представлений и общей идентичности (в качестве типичной модели такого анархического порядка автор рассматривает международное сообщество). В этой ситуации в российском обществе произошли возврат к ранним формам капитализма, натурализация, рефеодализация в способах производства и человеческих отношений (Социальные знания..., 2001: 233–236).

Самопомощь не складывается в социальный институт, ее конечный результат — лишь примитивная адаптация (Федотова, 2005: 12). Анархические практики в России помогли, по мнению философа, окончательно свалить коммунизм, но они сами по себе опасны, так как не являются ни современными, ни демократическими, отбрасывают страну в раннефеодальную междоусобицу, борьбу кланов.

Желание же людей обрести более устойчивый порядок вылился в сложение апатического порядка. Как пишет философ, апатия поразила большинство населения и даже государство. Когда не ясен конечный смысл деятельности, возникает стремление разделять некоторые ценности, но не достигать некоторые цели. В итоге в обществе воцарились переживание, собирание сил, неявное несогласие, сберегание себя, пассивность, которая возникает потому, что нельзя одолеть обстоятельства.

В целом философ выделила в российском общественном состоянии три сектора, в которых доминируют различные типы сознания — традиционное, современное (модернизированное) и разрушенное. Именно в последнем мы наблюдаем тяготение к архаике, к архетипическим формам, что позволяет, по мнению Федотовой, назвать Россию постмодернистской страной, в которой обращение к отброшенным чертам традиционного общества (коллективности, нерациональности, ценностной ориентированности, традиционной специфичности) означает попытку обновить модернизм, исправляя ошибки его радикализма.

В последние годы В. Г. Федотова прямо обратилась к тематике архаики, ее значения в истории России, архаизации (Федотова, 2009; 2012; 2013). На протяжении всей истории в общественном состоянии России, по мнению автора, можно рассматривать этапы доминирования по очереди архаики, традиции и инновации. Если общество развивалось интенсивным путем — усложнением своих структур, трансформацией в ходе своих внутренних потребностей, то архаика как имплицитный момент поведенческих кодов преодолевалась формированием традиций как более рациональными поведенческими регулятивами, а впоследствии традиции уступали место доминированию инновационной стратегии. Так, экстенсивный путь развития, который демонстрировала Россия, не позволял ей в достаточной мере преодолеть свою архаику. Сохранившая сильные позиции архаика при столкновении с резким характером реформ и их предлагаемым содержанием, которые заставляют общество в значительной мере переструктурироваться, актуализируется.

Непосредственно архаику Федотова трактует как нечто укорененное, что оживает при всех социальных турбулентностях и представляет собой проявление исторически сложившегося социокода, который глубоко впитался в психику и культуру народа. Важная особенность архаики, подчеркивает автор, заключается в том, что в противоположность традиции архаика не дана эксплицитно, в явном виде и не является сознательно используемым поведенческим регулятивом. В сравнении

с ней традиция более рациональна, более очевидна и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, заданных культурой, а не психикой. При разрушении культуры ее вытесняет архаика. При развитии культуры традиция вытесняет архаику (Федотова, 2009).

В условиях модернизации незападных стран, которая осуществлялась в 1990-е годы по модели догоняющей Запад модернизации, архаизация, пишет философ, противоречила ее целям (Федотова, 2013: Электр. ресурс). Но именно поэтому данный процесс, считает автор, нередко оказывался заместителем провозглашенных целей или способа их достижения, например материальных успехов, путем кланово-корпоративных усилий, криминализации, путем новой революции. «Сегодня, — отмечает В. Г. Федотова, — мы наблюдаем еще один поворот к архетипу Революции в российском сознании, с верой (неверием) в правителя, от которого, по мнению населения, все и зависит. Это ведет к архаике группирования, отнесения себя к кланам и группам в большей мере, чем к пониманию и трезвой оценке ситуации» (там же).

Концепция И. Г. Яковенко. Российский культуролог, философ, известен как исследователь особенностей российской цивилизации, русского культурного ядра. Тема архаизации в его интерпретации имеет своеобразный вид концепции соотношения варварства и цивилизации. Эта концепция была апробирована в ряде публикаций автора в 1990–2000-х годах, затем выражена в монографиях (напр., Яковенко, 2008), в том числе в соавторстве с А. С. Ахиезером (Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005).

Варварство автор соотносит с понятиями «культура» и «цивилизация», которые им противопоставляются (в продолжение традиции О. Шпенглера). Культура понимается автором как «специфический, присущий человеку способ бытия, который позволяет ему более эффективно решать задачи, присущие всему живому» (Яковенко, 1995: 67). Далее, в ходе своего развития первоначальная, архаическая культура расслоилась, выделив из себя еще одну, более эффективную стратегию жизни — цивилизацию. Последняя сразу обеспе-

чила резкое наращивание конкурентных ресурсов человека (там же). Варварство — третья стратегия человеческого существования. Классический варвар и архаическое общество уже стали достоянием истории, изжиты. Но фрагменты варварства, по мысли автора, тем не менее законсервированы в ткани традиционных, экстенсивно ориентированных обществ, а также присутствуют на периферии цивилизации, как необходимые для последней, как условие существования цивилизации.

Варвар, по мнению И. Г. Яковенко, — тот, кто принял цивилизацию как фактор своего существования, как неизбежную и неустраняемую реальность. Принял, но далеко не отождествился с ней ни субъективно, ни объективно. Варвар существует в иной позиции — слегка отступив от цивилизации, что позволяет ему сохраняться в своем устойчивом качестве, создавать устойчивый синкретизм, объединяющий архаическую культуру и элементы цивилизации в парадоксальное единое целое (там же: 69). Возникает противостояние варварства и цивилизации, которое имеет противоречивую, сложную природу и разнообразные формы.

Характер российской цивилизации определяется философом тем, что в отличие от западноевропейской отечественная культура являлась периферийной уже по своему генезису, т. е. не была прямо связана с наследием древних, античных цивилизаций. При этом с ходом истории периферийность России (и по отношению к Западу, и по отношению к Востоку) не уменьшалась, а нарастала (Яковенко, 2008). Механизм этот содержится в особенностях генезиса самой русской культуры: народная традиция бережно хранила и умножала седую архаику, т. е. культуру и ментальность, стадийно предшествовавшие цивилизации; с другой стороны, цивилизационная культура принимала такую версию народной культуры и сама постоянно и неуклонно проникалась архаическими представлениями, растущими из народного полужызыкального синкретизма. Сохранение широчайших пластов архаики определило, по мысли автора, устойчивый системообразующий признак русской ментальности.

В варварской составляющей российской цивилизации И. Г. Яковенко выделяет три пласта: дисперсное варварство (варварство, пронизывающее всю нашу жизнь, в том числе в быте, в социальных отношениях), институциональное варварство (автор рассматривает здесь особый социокультурный феномен позднего варварства — казачество, в котором сохраняется идентичность, отличная от русской, украинской и пр.), маргинальное варварство («чистый» пласт архаики и варварства, предельно противоположный современному государству и цивилизации — пассивный, паразитический (бомжи, нищие и пр.) и хищнический (преступный мир).

Эти три пласта, особенно последний, выплеснулись в широкую социальную жизнь страны в 1990-е годы. Как пишет философ, в этот период была легитимирована организованная преступность в глазах населения, расширена ее социальная база, и этот выплеск архаизации, воспроизведение ситуации раннего феодализма сдвинули общество в русло тупикового развития. Позднее преступное сообщество реализовало специфически российскую форму первоначального накопления, а также наряду со стремительно криминализующимся чиновничеством выступило в качестве агента трансформации советского общества.

Среди новых концепций архаизации в отечественном обществознании также можно назвать концепции В. М. Хачатурян (Хачатурян, 2011), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2011; 2013) и др. Проблема архаизации продолжает активно обсуждаться научным сообществом, в том числе как теоретический социально-философский феномен, как масштабная проблема, которая распространена практически во всех трансформирующихся, модернизирующихся постсоветских обществах. Поэтому пополнение теоретических оснований научно-исследовательской базы, посвященных проблеме архаизации, а также неотрадиционализма, которое также имеет свои особенности, продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер, А. С. (1991) Россия: критика исторического опыта : в 3 т. М. : Изд-во ФО СССР.

Ахиезер, А. С. (1997) Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) : в 2 т. Новосибирск : Сибирский хронограф. Т. 1 : От прошлого к будущему.

Ахиезер, А. С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 89–100.

Ахиезер, А. С. (2006) Труды : в 2 т. М. : Новый хронограф. Т. 1.

Ахиезер, А., Клямкин, И., Яковенко, И. (2005) История России: конец или новое начало? М. : Новое издательство.

Костина, А. В. (2011) Массовая культура как феномен постиндустриального общества. 5-е изд. М. : Изд-во ЛКИ.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Диалог с архаикой (концепция А. С. Ахиезера) // *Знание. Понимание. Умение*. № 4. С. 92–96.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) : автореф. ... д-ра филос. наук. М.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком».

Ламажаа, Ч. К., Намлинская, О. О. (2013) Российские модели архаизации и неотрадиционализма в условиях модернизации // Современное состояние культуры и общества: особенности и перспективы развития России: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 99–103.

Поляков, Л. В. (1998) Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М. : ИФ РАН.

Социальные знания и социальные изменения (2001) / В. Г. Федотова, А. А. Мяделец, В. Б. Власова, Н. Н. Лебедева, Н. С. Петренко, Н. Н. Федотова ; отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФ РАН.

Федотова, В. Г. (2000) Анархия и порядок. М. : Эдиториал УРСС.

Федотова, В. Г. (2005) Апатия на Западе и в России // *Вопросы философии*. № 3. С. 3–19.

Федотова, В. Г. (2009) Российская история в зеркале модернизации // *Вопросы философии*. № 12. С. 3–18.

Федотова, В. Г. (2012) Архаизация в современном мире // *Философские науки*. № 5. С. 26–36.

Федотова, В. Г. (2013) Восполнение лакуны [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: http://tuva.asia/journal/issue_17/5992-fedotova.html [архивировано в WebCite] (дата обращения: 11.08.2013).

Флиер, А. Я. (2011) Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства культуры // Костина А. В., Флиер А. Я. Культура между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М. : Согласие. С. 565–630.

Хачатурян, В. М. (2011) Феномен архаизации в культурной динамике : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М.

Яковенко, И. Г. (1995) Цивилизация и варварство в истории России. Статья 1. Варварство как социологическая модель // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 66–78.

Яковенко, И. Г. (2008) Познание России : цивилизационный анализ. М. : Наука.

Дата поступления: 15.08.2013 г.

CONCEPTIONS OF THE ARCHAIZATION OF SOCIETY IN RUSSIAN SOCIAL STUDIES

Ch. K. Lamazhaa

(Moscow University for the Humanities)

The article presents a survey of conceptions of the archaization of society in Russian science, including those proposed by A. S. Akhiezer, V. G. Fedotova, I. G. Yakovenko. These conceptions provided the basis for the developing research database «Russian Models of Archaization and Neo-traditionalism».

Keywords: the archaization of society, archaization, antiquity, conception, database.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Akhiezer, A. S. (1991) Rossiia: kritika istoricheskogo opyta : v 3 t. M. : Izd-vo FO SSSR.

Akhiezer, A. S. (1997) Rossiia: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaia dinamika Rossii) : v 2 t. Novosibirsk : Sibirskii khronograf. T. 1 : Ot proshlogo k budushchemu.

Akhiezer, A. S. (2001) Arkhaizatsiia v rossiiskom obshchestve kak metodologicheskaia problema // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. № 2. С. 89–100.

Akhiezer, A. S. (2006) Trudy : v 2 t. M. : Novyi khronograf. T. 1.

Akhiezer, A., Kliamkin, I., Yakovenko, I. (2005) Istoriia Rossii: konets ili novoe nachalo? M. : Novoe izdatel'stvo.

Kostina, A. V. (2011) Massovaia kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva. 5-e izd. M. : Izd-vo LKI.

Lamazhaa, Ch. K. (2010) Dialog s arkhaiкои (kontseptsiiia A. S. Akhieзера) // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 4. С. 92–96.

Lamazhaa, Ch. K. (2011) Arkhaizatsiia obshchestva v period sotsial'nykh transformatsii (sotsial'no-filosofskii analiz tuvinskogo fenomena) : avtoref. ... d-ra filos. nauk. M.

Lamazhaa, Ch. K. (2013) Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen. M. : Knizhnyi dom «Librokom».

Lamazhaa, Ch. K., Namlinskaia, O. O. (2013) Rossiiskie modeli arkhazitsii i neotraditsionalizma v usloviakh modernizatsii // Sovremennoe sostoianie kul'tury i obshchestva: osobennosti i perspektivy razvitiia Rossii: sb. nauch. statei / otv. red. A. V. Kostina. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. S. 99–103.

Poliakov, L. V. (1998) Put' Rossii v sovremenost': modernizatsiia kak dearkhaizatsiia. M. : IF RAN.

Sotsial'nye znaniia i sotsial'nye izmeneniia (2001) / V. G. Fedotova, A. A. Miadelets, V. B. Vlasova, N. N. Lebedeva, N. S. Petrenko, N. N. Fedotova ; otv. red. V. G. Fedotova. M. : IF RAN.

Fedotova, V. G. (2000) Anarkhiia i poriadok. M. : Editorial URSS.

Fedotova, V. G. (2005) Apatiia na Zapade i v Rossii // Voprosy filosofii. № 3. S. 3–19.

Fedotova, V. G. (2009) Rossiiskaia istoriia v zerkale modernizatsii // Voprosy filosofii. № 12. S. 3–18.

Fedotova, V. G. (2012) Arkhaizatsiia v sovremenom mire // Filosofskie nauki. № 5. S. 26–36.

Fedotova, V. G. (2013) Vospolnenie lakuny [Elektr. resurs] // Novye issledovaniia Tuvy. № 1. URL: http://tuva.asia/journal/issue_17/5992-fedotova.html [arkhivirovano v WebCite] (data obrashcheniia: 11.08.2013).

Flier, A. Ia. (2011) Sotsial'nyi opyt kak osnova funktsionirovaniia i istoricheskogo vosproizvodstva kul'tury // Kostina A. V., Flier A. Ia. Kul'tura mezhdubstvom kon'iunktury, rabstvom obychaia i rabstvom statusa. M. : Soglasie. S. 565–630.

Khachaturian, V. M. (2011) Fenomen arkhazitsii v kul'turnoi dinamike : avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii. M.

Iakovenko, I. G. (1995) Tsvivilizatsiia i varvarstvo v istorii Rossii. Stat'ia 1. Varvarstvo kak sotsiologicheskaiia model' // Obshchestvennye nauki i sovremenost'. № 4. S. 66–78.

Iakovenko, I. G. (2008) Poznanie Rossii : tsivilizatsionnyi analiz. M. : Nauka.